

Людмила Дорощева
(Калининград)

«ПОМЫСЛИЛ Я В ДУШЕ СВОЕЙ...»: О ЧЕМ ПИШЕТ ВЛАДИМИР МОНОМАХ?

Лод 1096 годом поместил в Лаврентьевскую летопись Владимир Мономах свое «Поучение» — одно из самых оригинальных, значимых и широко известных произведений Древней Руси. Но нужно признать, что при всей известности оно пока еще не нашло своего настоящего читателя. Нельзя же все время повторять со школьной скамьи заученное о Мономахе как о «феодальном правителе», «храбром воине», «мудром политике», обладающем «страстностью политического бойца», при этом будто не замечая ни Псалтири, которую он знает почти наизусть, ни его собственной молитвы, ни горечи размышлений о жизни, ни того покаянного чувства, которое пронизывает весь текст, ни его живого и любящего сердца, из которого изливаются слова «Поучения»!

О чем пишет Владимир Мономах, кому он пишет и зачем — вот главные вопросы, на которые все еще нет ответа. И в какой мере он возможен, этот ответ? И зачем он нужен мне, читателю XXI века? Не является ли слишком далеким то прошлое, в котором остался Владимир Мономах, превратившись для нас в некий памятник древности, который подарил нам символ истинной власти — «шапку Мономаха», а заодно и окрепшее под его началом русское государство?

Когда читаешь строки, написанные рукой древнерусского князя, нужно помнить, что он создавал не художественное произведение, не мемуары записывал или свои жизненные наблюдения и философские размышления, а, начертывая эти строки, *проживал* каждое слово, в ко-

тором звучит исповедальная искренность сердца живой и удивительно чистой и честной души. И если мы приготовимся к такой прямой, открытой встрече с *человеком*, с его душой, обращенной к нам непосредственно, то встреча эта состоится.

«Сидя на снях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил», — пишет в самом начале «Поучения» Владимир Мономах [1, с. 393], сразу включая нас в самую глубину своей душевной жизни. Ибо что может быть более глубоким, чем мысль о, возможно, скорой грядущей смерти, в которой мерцает бессмертие? Все дальнейшее повествование развивается из этой мысли и из сердечного предстояния человека перед Вечностью.

В первой части, которая и является собственно поучением, обращением к «детям или иному кому», практически нет никаких событий, кроме одного, ставшего источником глубоких размышлений и переживаний Владимира Мономаха: «Встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: "Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе"» [1, с. 393]. И горечь охватила Мономаха, так как целовали крест братья еще совсем недавно, обещая друг другу мир и братскую любовь. И в печали своей раскрывает он Псалтирь и, читая покаянные строки величайшего библейского поэта — царя Давида, складывает их «по ряду», отвечая себе и братьям своим на вопрос о том, что такое власть и кто будет истинным обладателем земли: «...лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей»; «...и не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром» [1, с. 395].

В цитируемых Мономахом словах звучит его живая вера, бьется сердце, исполненное любви к своим ближним и к Богу, в котором он находит умирение, опору, надежду и источник жизни. И в его обращении к детям звучит любовь и забота об их душе, желание, чтобы они были не просто мирны и счастливы, но и достигли жизни вечной, то есть бессмертия. Благодаря Мономаху мы получаем образ молодого человека, в котором сочетается сила и доброта, ум и благородство, мужественность и смирение, чувство истинного достоинства и кротость. Но и здесь, в словах наставления, слышится интонация глубокого покаяния, чувство своего несовершенства — звучит голос самого Мономаха: «О владычица Богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего в ничтожной этой жизни» [1, с. 397].

Вторая часть, которую называют автобиографией, или «летописью» жизни Мономаха, знаменита описанием походов. Но в их, казалось бы, простом перечислении — 69 походов из названных 82 — есть тоже внутренняя мысль, есть *логика покаяния*. Мономах ведет к самому важному для себя: к рассказу о своем главном *внутреннем событии*, о том, как его посетила *жалость к христианским душам*, как он «пожалел... христианских душ, и сел горящих, и монастырей» [1, с. 405] и как возмутилась его душа. И из этой жалости, а также чтобы «не похвалялись язычники», он «отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль». Причем произошло это на день святого Бориса: «И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие. <...> Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля» [1, с. 405]. Главное *событие* здесь не внешнее: произошел внутренний переворот в отношении к основному вопросу всего произведения — «владения землей». Мономах отказывается от своих завоеваний ради христианских ценностей. Происходит *перемена мыслей* (от греч. *μετάνοια*, букв. «после ума», «переосмысление»), что и означает покаяние: войну за власть над уделом брата Мономах осознал как свой грех, как зло для Русской земли — и переменялся! На наш взгляд, это центральная часть «автобиографии», наиболее значимая в идейном смысле, так как она отвечает на вопрос об истинном смысле власти и об отказе от нее ради спасения души.

Но самым поразительным является письмо Мономаха к своему брату Олегу Святославичу. Оно было написано в 1096 году, соединено с первыми двумя частями в 1117 году и, конечно, по главному своему смыслу неразрывно с ними связано. Здесь мы встречаемся с *чудом прощения*: Мономах прощает своего брата, убившего его сына в междоусобице. Но не так просто это сделать, почему он и восклицает в самом начале своего письма: «О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолевашь сердце мое...» Обида в душе, боль и рождаемая ею ненависть в сердце, сопротивляющемся этому греху и вступающем с ним в борьбу, в которой победить можно только памятью о своей смерти и Страшном суде: «...все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьей, не покаившись и не помирившись между собою». А. Н. Ужанков первым заметил, что мысль о Страшном суде — главная, мотивирующая поступки Мономаха, цель «Поучения» (как и его части — послания Олегу Святославичу) — «самообличение и покаяние перед Высшим Судьей» [2, с. 304].

Несомненно, образ Владимира Мономаха, возникающий при чтении написанного им произведения, поражает своей силой, цельностью, красотой души, мужественностью и глубочайшим смирением [3, с. 184–213]. Да, он, безусловно, мудрый политик, если говорить о фактах его правления; и, конечно, храбрый воин и любящий свой народ правитель. Но главное – это то, что всем своим образом поведения, мыслями, чувствами он отвечает на вопросы, современные всегда и обращенные к каждой личности: о жизни и смерти, о бессмертии и Страшном суде, о смысле власти и о спасении души. Вот только услышать и понять его можно лишь открытым к нему сердцем.

Список литературы

1. *Памятники литературы Древней Руси: Начало русской литературы. XI – начало XII века.* М., 1978.
2. *Ужанков А. Н.* О проблемах периодизации и специфике развития русской литературы XI – первой трети XVIII века. Калининград, 2007.
3. *Андрей Рублев и мир русской культуры: к 650-летию со дня рождения:* матер. междунар. науч. конф. Калининград – Клайпеда – Вильнюс. 16–22 октября 2010 г. Калининград, 2011.